

Мировое хозяйство и постсоциалистические преобразования

"EPOS - Ekonomia, Przedpriniatielstwo, Okrużajuszczaja Sreda" ("Gospodarka, Przedsiębiorczość, Środowisko Naturalne"), No. 4 (32) 2007, s. 94-103

Перед нами непрестанно стоят вопросы, как организован мир? Почему экономические, финансовые, общественные процессы проходят так, а не иначе? Когда экономисты дают на них ответы, они вместе с тем ставят вопросы политикам, которые хотят изменить этот мир. Конечно, в лучшую сторону. И изменяют. Изменяют уже годами, столетиями, тысячелетиями, но разве сегодня мир лучше, чем 5 или 15, или 50, или 500, или 5 тысяч лет назад. Он наверняка другой. И другим станет в будущем. Но каким? Вот в чем вопрос.

В этом другом мире все непрестанно ищут свое место. Это место приходится сотни раз определять заново. Некоторые процессы, связанные с продолжающимися непрестанно изменениями, протекают плавно, другие весьма бурно, одни вещи мы в состоянии предвидеть или сформировать, другие застают нас врасплох, и мы не можем с ними справиться. Итак, проблем хватает, и поэтому у нас – экономистов, интересная жизнь. Цены растут, есть проблемы. Цены падают, есть трудности. Курс валюты укрепляется, есть сомнения, хорошо ли это, и подобным образом происходит, когда он падает. Возникает дефицит в счете текущих оборотов – проблема, есть излишек – тоже проблема. Быстрый приток капитала – новый вызов; отток за границу – тоже хватает вызовов. Итак, у нас интересная жизнь потому, что каждый очередной ответ рождает новые вопросы. Экономическая наука отличается тем, что она касается живого организма, и сам предмет изучения непрестанно меняется.

1. Стечение внутренних и внешних обстоятельств

¹ Профессор Гжегож В. Колодко www.kolodko.net, мировой авторитет в области экономики развития и хозяйственной политики, один из главных архитекторов польских реформ. В 1989 году участвовал в исторических дебатах круглого стола, в 1989-1991 годах – член экономического совета при совете министров Польши. В качестве вице-преьера и министра финансов в 1994-1997 годах привел Польшу к членству в ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития -- межгосударственная экономическая организация. Создана в 1961. Официальные цели ОЭСР - координация экономической политики и согласование программ помощи развивающимся странам. Штаб-квартира в Париже. – Прим. пер.). Будучи повторно в этой должности в 2002-2003 годах сыграл важную роль в интеграции Польши в Евросоюз. Автор нескольких сотен статей (из них 15 опубликованных на русском языке http://www.tiger.edu.pl/english/kolodko/artykuly.htm#in_russian) и 37 книг на темы развития, глобализации и трансформации, из которых 5 вышли на русском языке (<http://www.tiger.edu.pl/english/kolodko/ksiazki.htm>). В настоящее время – директор Центра по изучению трансформации, интеграции и глобализации TIGER (www.tiger.edu.pl) в Академии Козьминского в Варшаве (www.kozminski.edu.pl).

Если мы во все большей степени понимаем, что от чего зависит, как обстоят дела, что происходит и почему именно так, а не иначе, то оказывается, что действительность уже идет дальше. Экономические теории, которые поколение или два назад имели применение или оправдывались, сегодня часто могут быть уже устарелыми и иметь ограниченную полезность не только для толкования действительности, но, прежде всего, для попыток изменить ее в лучшую сторону. С восприятием экономической действительности бывает порой так, как с попыткой запечатлеть вид из окна мчащегося поезда. Даже когда это делается таким совершенным устройством как цифровой фотоаппарат, то сделанный только что снимок показывает уже нечто другое, чем вид, пролетающий за окном. Мы передвинулись во времени и пространстве и то, что нам кажется теорией, отвечающей действительности, может уже к ней не подходить.

В нашей части мира, в Центральной и Восточной Европе и на огромной территории от сердца Европы до побережья Тихого океана, этом куске Земли, который населяет миллиард восемьсот миллионов людей, мы переживаем весьма сложный процесс системной трансформации. Перед нами стоит вопрос: существуют ли соответствующие теоретические основания, описывающие то, что происходит, создающие правильные предпосылки, которыми должны воспользоваться политики в своих практических действиях, влияющих на судьбы миллионов людей?

Мы проходим процесс постсоциалистической трансформации в рыночную экономику, и в самых общих чертах кажется, что мы знаем, в чем дело, мы знаем, от чего уходим и к чему стремимся. Но воистину ли мы знаем, от чего уходим? История имеет свойство быть необъективной, ибо сначала представляет недавнее прошлое в черном цвете. Это касается и современной истории. Историки называют это "черной легендой". В эпоху Возрождения в весьма черных красках рисовали средневековье. В последующую эпоху, в свою очередь, критически писали о Возрождении. Когда в Польше восстанавливали разрушенное хозяйство после второй мировой войны и создавали социалистическую систему, нас учили в школе, какой плохой системой была довоенная Польша. Тот период тоже, прежде чем дождался в меру добросовестного описания, должен был пройти через этап "черной легенды".

Когда мы в Польше и других странах нашей части мира в ходе системной трансформации слышим, как плохо было в период, предшествующий переломным 1989-1991 годам, то вновь происходит некое замазывание фактов и извращение действительности, в том числе и экономической, имевшей место до трансформации, главным образом ради того, чтобы на этом фоне обелить современность. А стоило бы хорошенько проанализировать некоторые механизмы тех периодов, потому что без их

правильного понимания или же в виду их упрощенного, часто примитивного толкования, невозможно правильно запрограммировать действия, которые нам приходится осуществлять в нынешней фазе рыночных перемен.

Мы, начав исторический процесс ускоренного перехода к политической демократии, рыночной экономике и гражданскому обществу, сперва в Центральной Европе, потом в Восточной, а затем на территории всего бывшего Советского Союза, хотя и в разной степени, в разном темпе и в разном объеме, располагали некоторыми знаниями о том, от чего мы уходим и к чему мы стремимся. Однако так сложилось, что мы нуждались в поддержке извне, не только интеллектуальной, но, прежде всего, финансовой. Нам нужны были зарубежные капиталы и технологии, потому что своих не хватало, чтобы поддержать инвестиционные усилия. Вместе с капиталами должны были рекой политься также мысли и советы. И они полились; временами еще быстрее, чем капиталы и технологии, и вместе с тем гораздо менее полезные, чем они.

К сожалению, когда разыгрывалась столь фундаментально важная страница нашей истории, оказалось, что не хватало зрелой концепции, показывающей однозначно, каким образом формировать новую действительность. Несмотря на многие ценные мысли и предложения, которые были выработаны раньше, особенно в странах с продвинутыми рыночными реформами, главным образом в Польше и в Венгрии, не было столь нужной в то время сжатой и комплексной концепции или же теории трансформации и стратегии экономической политики. Не было их ни на Востоке, ни тем более на Западе, ни по эту, ни тем более по ту сторону Атлантики.

В то время пробелы интеллектуального и концептуального пространства заполняют иногда случайно высказанные мысли или оторванные от жизни пожелания, абстрагированные от *differentia specifica* (видовое отличие; характерная особенность; отличительный признак. – Прим. пер.) рушащегося социализма и разваливающейся плановой экономики. Иногда одерживать верх может просто своего рода экономическое шарлатанство и, как в случае эпидемии в отсталой деревушке, с которой не может справиться местный шаман, появляется новый шарлатан, который "знает", что и как следует делать, чтобы вылечиться от болезни и устранить источники инфекции. Лечит стало быть, потому что наивные люди ему поверили, вот только попутно на смену старой болезни может развиваться новая. Так именно было с импортированной в Польшу и здесь весьма усердно использованной "шоковой терапией".

Чрезвычайно интересно, что во времена администрации президента Рейгана, в Соединенных штатах на деньги американских налогоплательщиков финансировались исследования на тему экономических последствий термоядерной войны, вместе с

практическими предложениями, что следует сделать, чтобы восстановить хозяйство после ядерного уничтожения. Политикам, интеллектуалам и исследователям хватало воображения, времени и денег, чтобы заниматься поисками ответа на вопрос "что было бы, если бы...". Но им не хватило ни времени, ни воображения, чтобы вести детальные, системно ориентированные исследования, что надо будет сделать, если окажется, что система, которую так не любили, рухнет. Итак, Запад интеллектуально и программно вообще не был подготовлен к падению социалистической экономики.

2. В точке старта

Правда заключается в том, что у нас не было хорошего рецепта, как уйти от прежней системы и как создавать основы новой, хотя ситуация с этой точки зрения выглядела по-разному в разных странах нашей части мира. Наверное, гораздо лучше в Венгрии, чем в Румынии, гораздо лучше в Польше, чем на Украине. Однако мы были в какой-то степени застигнуты врасплох изменениями на рубеже десятилетия 80-х и 90-х годов, их глубиной и остротой. Почему, однако, эти изменения наступили именно тогда? Всегда надо задавать себя вопрос не только, почему что-то происходит так, как происходит, но и почему происходит тогда, когда происходит. Почему не поколением раньше или поколением позже?

Так вот, **вещи происходят так, как происходят, потому, что многое случается в одно время и в одном и том же месте.** Это касается как нашей личной жизни, так и больших событий на хозяйственном и политическом поприще. Это касается как больших успехов и эффектных побед, так и злополучных поражений и катастроф, которые случаются на любом участке человеческой деятельности. Чтобы произошла трагедия и затонула подводная лодка "Курск", в один момент и в одном месте должно было случиться несколько вещей сразу; иначе она дальше плавала бы. Чтобы разбился космический челнок "Колумбия", должно было в какую-то долю секунды, в каком-то месте случиться много вещей сразу; в другом случае он приземлился бы.

Аналогично было в 1989-1991 годах в нашей части мира. Тогда тоже должно было случиться сразу несколько вещей. Только "теперь" или "тогда" мы говорим в другом масштабе времени. Несколько недель, месяцев или же лет в некоторых вопросах – лишь мгновение в историческом масштабе. Что же случилось? Так вот, случилось то, что в той фазе совместились два ранее совершенно независимых друг от друга процесса. Один, вытекающий из действия эндогенного механизма, то есть механизма, встроенного в функционирование системы. Людям опостылел государственный социализм,

централизованная система планирования хозяйства, чрезмерно бюрократическая, опутанная структурным дефицитом предложения. Это особенно чувствовалось в бывшем Советском Союзе. Особенно, потому что там реформы, ослабляющие системный корсет, не проводились или же были лишь суррогатом того, что следовало делать. Однако в других странах, например, в бывшей Югославии, из которой вышло потом шесть независимых республик, далеко идущие реформы, направленные на частичное введение рыночных механизмов, также не принесли ожидаемых результатов.

В 1997 году я участвовал в научной конференции в Пекине, посвященной системным переменам. Я должен был представить доклад об опыте, вытекающем из польских реформ также, а вернее, в первую очередь – для Китая. В первый момент я думал, что речь идет о реформах 90-х годов. А потом оказалось, что нет. Меня прямо попросили, чтобы я закончил анализ 1989 годом и попробовал объяснить китайским экономистам и политикам, почему те реформы не удались и почему в связи с этим мы начали совсем другую фазу – не реформирования, а трансформирования экономики. Это свидетельствовало о том, что еще десять лет назад, а частично и в некоторых кругах и поныне, Китай думал не о переходе к полнокровной рыночной экономике, а лишь о спасении социалистической системы путем повышения ее гибкости и динамики. С этой целью обращаются к рыночным реформам.

И здесь возникает **вопрос различия рыночных реформ и постсоциалистической трансформации**. Реформы в бывшем социалистическом хозяйстве – это не была трансформация. Это были только попытки настоящих изменений, но направленные на сохранение существующей системы путем повышения ее экономической производительности и конкурентоспособности. Изменения должны были способствовать повышению уровня производства и потребления, лишь бы старая система больше отвечала ожиданиям общества. Таковы были намерения рыночных реформ социалистического хозяйства. А постсоциалистическая трансформация заключается в том, чтобы перечеркнуть прежнюю систему, заменить ее новой системой, новой, "лучшей действительностью".

В социалистическом хозяйстве периода его упадка протекал некий процесс, а точнее целый ряд процессов, который вызвал своеобразную "усталость роста". Экономика централизованного планирования во все большей степени не была в состоянии справиться с усиливающейся конкуренцией высокоразвитых капиталистических стран. Тем более это стало еще заметнее, когда они динамично вступили в очередную промышленную революцию, связанную с появлением и распространением компьютерных технологий. Бюрократившееся социалистическое хозяйство не было достаточно гибким, чтобы четко

приспособиться к требованиям все более конкурентоспособных рынков. Если бы существовал механизм, который устранял бы негативные звенья экономической системы, то, может быть, система держалась бы дольше. Но такого механизма не было. Если бы в упадок приходили социалистические предприятия, то, быть может, не была бы должна прийти в упадок вся система, своего рода одно гигантское социалистическое предприятие, не выдерживавшее все более сильной внешней конкуренции.

Люди выступают одновременно в трех общественных ролях: потребители, производители и граждане. Народы социалистических стран, выступая в роли потребителей, во все большей степени уставали от свирепствовавшей экономики дефицита. Они устали и как производители, потому что видели, что производство плохо организовано и малоэффективно. С одной стороны, часто встречались излишки и расточительство чрезмерных запасов, а с другой донимали постоянный дефицит и не самая лучшая организация труда. И люди восставали против этого. Раз подавляя этот бунт в себе, в другой раз решаясь дать ему вырваться наружу, иногда в драматических обстоятельствах и в весьма бурной форме. Наконец, люди были во все большей степени недовольны как граждане. И это потому, что не было эффективных институциональных форм, позволяющих высказываться откровенно и публично о том, как они хотели бы изменить существующее положение вещей. Это все обуславливало копившийся потенциал недовольства.

Но снова возникает вопрос, почему вещи происходят тогда и так, как они де-факто происходят? Неужели двадцать лет назад было так хорошо, что такого типа явления, которые могли провоцировать на бунт, отсутствовали? Или же в Китае все время было и есть так хорошо, что подобные отрицательные явления не возникали, и можно было, реформируя, но вместе с тем продолжая функционирование старой системы, прожить еще двадцать лет? Другими словами, разве не было предпосылок, чтобы социализм рухнул в Центральной и Восточной Европе, например, уже в 1968 году? И коль скоро он рухнул в бывшем Советском Союзе полтора десятка лет назад, то почему в Китае сумел выжить, по крайней мере, в политической сфере, но и во многих общественно-экономических аспектах до сих пор? Это трудные вопросы, на которое надо ответить. От этого ответа зависит удовлетворение не только интеллектуального любопытства, но и требования о направлении действий, не только толкование прошлого, но и активное формирование будущего.

Итак, ответ на эти вопросы надо вывести из наблюдения не только за тем, что происходило "внутри", в рамках эндогенного механизма развития, но также из внешней перспективы, с точки зрения действия экзогенных факторов. Тем более это необходимо,

так как мы в то же время вошли в очередную фазу интенсивной глобализации. И хотя некоторым казалось, что большие перемены в бывших социалистических странах могли наступить намного раньше или позже, то в Польше, и вскоре затем в некоторых других странах региона, они произошли именно в 1989 году. И это потому, что одновременно протекал и сильно воздействовал второй процесс – глобализация.

Необходимо поэтому выйти за пределы узкого мировосприятия, также в Польше, где все еще некоторым кажется, что это мы, находясь в самом сердце Европы и иницилируя процессы постсоциалистической трансформации, начали этот большой процесс перемен общественного строя. Мы в известной степени только шестеренка в гораздо большем колесе истории, которое все время вращается. Много в то же самое время происходило в другой части мира. В "другой части", потому что в то время еще не было мирового хозяйства в том смысле, какой мы теперь придаем понятию глобальной экономики. Мы были от той, капиталистической части мирового хозяйства отделены не только другой политической системой. Не было свободной торговли, не было свободного движения капитала – ни реального, ни денежного. Не было свободного движения товаров, как благ, так и услуг, не было свободного движения людей. Относительно ограниченным было также движение идей, лимитированным оставалось движение техники и технологий, не только из-за финансовых ограничений, но также вследствие рестрикций, мотивированных политически и идеологически.

3. Воссоединение разделенного мира

Мир был разделен. Причем не только на Восток и Запад. Существовал и так называемый третий мир. Но если был третий мир, бедный мир, о котором говорили "развивающийся", хотя, к сожалению, некоторые регионы и страны не развивались совсем или мы даже имели дело с проявлениями экономического регресса, то должен был быть также второй мир и первый мир. Это мы были второй миром. Богатый, высоко развитый капитализм, всего около 25 стран из более, чем двухсот, это был первый мир.

И вот нам пригрезилось, что трансформация из системы в систему должна заключаться в переходе из второго мира в первый. Потому что в чем иначе должна заключаться трансформация? В сознательном переходе из второго мира в третий? Ведь оказывается, что трансформация из системы социалистической экономики централизованного планирования в систему рыночного капиталистического хозяйства далеко не предполагает автоматически, сама по себе, переход из второго мира в первый, а может привести к передвижению скорее ближе к третьему миру. Так, к сожалению, происходит в некоторых из постсоветских республик, а симптомы такой невыгодной

эволюции могут быть также заметны в некоторых республиках бывшей Югославии, менее развитых и дополнительно отягощенных наследием региональных этнических и военных конфликтов.

Зато в первом мире, самом богатом, полпоколения назад происходили другие важные процессы. Там высвобождалась большая масса излишнего капитала, стоимость которого ощутимо превышала собственную поглощающую способность. Наиболее богатые общества мира экономили больше, чем были в состоянии у себя вложить. В поисках внешних возможностей вложения этих излишков они заметили огромные пространства от Эльбы до Тихого океана, с относительно высоко квалифицированным человеческим капиталом, с огромными природными запасами, с большим промышленным потенциалом. Распространяется понятие *emerging market*, восходящий, вынырывающий рынок. Это мы должны "вынырнуть" на поверхность из прежней социалистической, то есть нерыночной пучины. Ну, вот мы и выныриваем... Уже десятка полтора лет мы выныриваем и некоторые уже почти вынырнули. Состоит это в этом, что постсоциалистические страны открываются для все более свободных и более широких внешних контактов, допуская больше товаров и капитала в свою экономику. Но, чтобы это было возможно, должны произойти некоторые процессы, и, прежде всего, это должно стать рентабельным для других частей мировой экономики, которые желают в этой ее части рентабельно размещать свои капиталы, продавать собственные товары, дешево покупать сырье и привлекать для своего производства конкурентную рабочую силу.

Итак, во-первых, экономика должна стать частной, так как никто не будет инвестировать свои сбережения широким потоком в страны, где преобладает государственная собственность. Неизбежна, следовательно, всеобщая комплексная приватизация, что является уникальным условием, поскольку она должна быть проведена в относительно короткие сроки, при нехватке отечественного капитала. Тем более надо открываться для проникновения иностранного капитала, в том числе транснационального и глобального.

Во-вторых, деньги должны быть конвертируемыми, чтобы можно было легко реализовать финансовые трансферты и платежи, в том числе прибыли. Отсюда и стремление как можно скорее ввести конвертируемость валюты, сначала только по текущим сделкам, а со временем также в отношении операций с денежными счетами. Конечно, это влечет определенные последствия для всей финансовой политики, как фискальной, так и денежной, и их соответствующей координации, гарантирующей финансовую стабильность.

В-третьих, должно быть либерализовано движение материального и финансового капитала. Это требует многих структурных реформ и соответствующего институционального укрепления рынка путем соответствующей отмены ограничений.

В-четвертых, должны быть ограничены, а со временем также отменены таможенные пошлины и протекционизм, препятствующий свободной торговле. А это связано с готовностью подвергнуть многие отечественные предприятия и целые отрасли давлению конкуренции извне.

В-пятых, наконец, должно существовать политическое разрешение на такую отмену ограничений в экономике, чтобы все процессы, желательные с точки зрения четкого функционирования современной открытой рыночной экономики, могли быть задействованы.

Итак, большое внешнее давление богатой части мира на страны постсоциалистической трансформации катализирует и делает более динамичным процесс, имеющий свой эндогенный механизм. Другими словами, независимо от внутренних процессов, началу и размаху больших изменений общественного строя способствовали внешние процессы, без которых трансформация не приобрела бы ни такой формы, ни темпов, какие мы наблюдаем в действительности.

Мы полтора десятка лет назад были так увлечены тем, что происходило у нас, что многие не смогли разглядеть, что происходило в то время за рубежом. Реально же, ни внутреннее давление само по себе, ни давление извне само по себе не были бы в состоянии стронуть ту лавину, благодаря которой сегодня миллиард восьмьсот миллионов человек, включая Китай и Индокитай, находится на пути к рыночной экономике. Итак, наложились друг на друга два процесса: внутренний, процесс нарастающей усталости от старой системы, все менее конкурентоспособной из-за отсутствия приспособительных механизмов, и внешний, давления международного капитала.

Старая система погибает, как динозавры, которые не сумели приспособиться к неотвратимо меняющимся условиям. Не удалось приспособиться в неэффективной системе планового хозяйства не только к давлению внешнего капитала, которого в социалистическом хозяйстве не было, но также к эволюции, вытекающей из научно-технической революции, последствия которой для функционирования мировой экономики все сильнее давали о себе знать. Итак, только с момента вступления социалистических стран в фазу системной трансформации мировая экономика становится единой, все более интегрированной и в растущей степени взаимозависимой. Это одно из ключевых качеств современной фазы глобализации.

Другими словами, если бы мы не приступили к этому процессу, открываясь и соединяясь с остальной мировой экономикой, то она не была бы глобальной. Теперь она уже является таковой. Также с нашим участием, хотя – не принимая во внимание Китай – при относительно небольшой роли, какую мы в ней играем по масштабам производства и участия в мировой торговле. Достаточно сказать, что в целом вклад Польши и России с примерно 180 миллионами жителей, в мировое производство колеблется около 3,5 процента и составляет не более чем в случае Бразилии. Однако в случае Китая в 2008 году это уже более 16 процентов (считая по паритету покупательной способности).

4. Глобализация и трансформация

Глобализация – это исторический процесс либерализации и последующей интеграции функционировавших в большой степени разобщенно рынков капитала, товара и – хотя с известной задержкой и в меньшем масштабе – рабочей силы, в один мировой рынок. А если мы хотим быть частью этого рынка, мы должны одобрить рыночные, то есть капиталистические принципы игры, которые на этом рынок действуют. Так что надо стать капиталистическим хозяйством, а чтобы стать капиталистическим хозяйством, надо пройти трансформацию из социалистического хозяйства в капиталистическое хозяйство. Если взглянуть на это с птичьего полета – может быть, даже более уместно было бы сказать, с точки зрения облетающего землю спутника – то видно, что эти два процесса становятся, в принципе, одним, все более интегрированным процессом. При этом они подпитывают друг друга, и между ними проявляются легко заметные обратные связи. **Не было бы трансформации, если бы не глобализация. И наоборот: не было бы полной глобализации, если бы не постсоциалистическая трансформация.**

Итак, вновь возникает вопрос, известно ли было на рубеже 80-х и 90-х годов, что следует делать, существовало ли, кроме общих лозунгов "надо либерализовать, открывать, приватизировать", какое-то углубленное и конкретизированное знание, как это все провести? В начале трансформации перед нами стояли качественно другие институциональные проблемы чем те, с которыми боролись в то время остальные так называемые развивающиеся рынки, не являвшиеся постсоциалистическими. И дело не в том, что мы были будто бы похожи на латиноамериканские хозяйства, во что особенно верили некоторые западные, прежде всего американские, экономисты. Сходств по сути дела было гораздо меньше, чем те, которые бросаются в глаза на поверхности явлений. А

чтобы предложить хорошее лечение, нужен был правильный диагноз действительного положения вещей. К сожалению, этого американским гуру не хватало, следствием чего были неправильные рецепты относительно рекомендованной хозяйственной политики. Ее крайним проявлением была так называемая концепция шоковой терапии, навязывание и принятие которой особенно дорого обошлось в начале 90-х годов польской экономике и обществу. Много было совершенно лишних шоков, очень мало долгожданной терапии.

Страны Центральной и Восточной Европы, и, в частности, бывшего Советского Союза, обратились к группе семи самых богатых государств мира за помощью не только денежной, но и технической, то есть за консультациями. Что сделать, коль скоро старая система себя не оправдывает, как переходить на новую? Но все, и мы в Польше, обращались также с просьбой о финансовой помощи в связи с зарубежной задолженностью, в которую мы были впутаны. И тогда большая семерка передала неслыханную власть двум международным учреждениям – Международному валютному фонду и Всемирному банку, которые столкнулись с вызовом, оказавшимся явно им не по силам.

И вот за один день в Международный валютный фонд и Всемирный банк принимаются почти двадцать новых государств, в том числе все постсоветские республики, которое быстро должны стать рыночными экономиками, функционировать по правилам игры, действующим в этом "первом мире". У МВФ и Всемирного банка, как и у стран большой семерки не было никакого готового рецепта, что делать, поэтому они обратились к так называемому вашингтонскому консенсусу, то есть концепции экономической политики, выработанной как реакция на структурный кризис и задолженность Латинской Америки. Эта концепция казалась некоторым подходящей для применения в постсоциалистических странах. Было принято, что этот регион даже в более плохом положении, так как характеризуется еще большим государственным сектором, чем неэффективные латиноамериканские экономики, еще более сильными профсоюзами, еще большей степенью бюрократизации, а главное централизованной регуляции цен. То есть надо было сделать то же самое, что советовали и добивались в Латинской Америке, только делать это активнее, агрессивнее, радикальнее.

Итак, что подсказывал "вашингтонский консенсус"? Так вот, упрощенно говоря, он предлагает скорейшую приватизацию, полную либерализацию торговли и цен и жесткость финансовой политики, как денежной, так и бюджетной. В таких советах отнюдь нет ничего дурного. Проблема не в том, что там есть, а в том, чего там нет. То, чего "вашингтонский консенсус" не учитывал и упустил из виду, это большая роль создания общественных и государственных институтов при введении рыночной экономики и

социальные аспекты изменения экономического строя. За все годы внедрения рыночной экономики отчетливо видно, сколь огромное значение имеет не только приватизация и либерализация – дело, в принципе, уже сделанное, – но и регулирование экономической деятельности в рамках новых институтов.

По прошествии почти двух десятилетий в разных из 35 постсоциалистических странах мы находимся в этом деле на разных этапах. Польша и остальные новые страны-участницы Европейского союза решительно более продвинута в этом вопросе в связи с принятием норм и институтов, вытекающих из членства в ЕС. Это следствие как нашей геополитической позиции, так и осуществленной вовремя трансформации политики. В этой фазе интеграции мирового хозяйства весьма неблагоприятно было бы оставаться за пределами столь значительной экономической группировки, как Европейский союз.

Польская экономика в результате трансформации и интеграции будет функционировать так, как функционируют развитые хозяйства Евросоюза, хотя еще в течение какого-то времени с известными недостатками. Это наш шанс и наш выбор. Однако этот вариант недоступен для многих других государств, в том числе некоторых постсоциалистических стран балканского региона – по крайней мере, в обозримой временной перспективе – или же для республик постсоветской Средней Азии. По крайней мере, не теперь, по крайней мере, не в этой фазе, а может быть, именно в силу геополитического положения, никогда.

Итак, ход и характер большой польской трансформации общественного строя и трансформации некоторых других стран были стечением внутренних и внешних обстоятельств. Ни одним из них не следует пренебрегать, но нельзя и переоценивать их значения. Прежде всего, не следует рассматривать их вне свойственного им политического и исторического контекста. Именно на этом фоне мы вводим рыночную экономику с такими принципами игры, какие действуют в Европейском союзе. Европейскую интеграцию надо при этом рассматривать как некий элемент более широкой игры, глобального соперничества экономических группировок.

Малые и средние страны, открывающиеся для мировой экономики, должны пользоваться благодеянием интеграции, так как она дает гораздо больше шансов в современном мировом соперничестве, нежели если бы мы оказались вне неё. Оставаться в стороне от главного течения – это, по существу, оказаться на задворках глобальной деревни. Это не способ обогащения. Если оставаться на позициях честности и добросовестности, а так делать надо всегда, то экономическая наука не знает иного способа обогащения народов, регионов, городов, семей, отдельных личностей, чем быстрое общественно-экономическое развитие.

Страны, которые умеют из соответствующих экономических теорий сделать соответствующие выводы для экономической политики, развиваются быстрее. И мы видим такие страны, хотя, к сожалению, их немного. Если присмотреться к прошедшей четверти века, то государств, которые шли вперед с темпами роста ВВП на 5-7 процентов в среднем в год, немного; их можно пересчитать по пальцам одной руки. Надо при этом полностью сознавать, что представляющиеся в связи с трансформацией и глобализацией шансы могут быть использованы лучше или хуже.

Есть шансы удержаться на пути быстрого роста в течение многих лет, не только на четыре года, как это удавалось во время осуществления "стратегии для Польши" в период 1994-1997 годов, когда ВВП на душу населения увеличился на целых 28 процентов. Двигаясь по такой траектории развития можно в меру быстро наверстывать исторически накопившееся отставание в уровне экономического развития. Но это отнюдь не дано заранее. Само по себе участие в трансформации в рыночную экономику и тот факт, что мы открываемся и включаемся в большую конкурентную игру, вытекающую из глобализации, вовсе еще не означает, что мы будем экономически успешными странами.

Успех – это, прежде всего, следствие осуществления мудрой стратегии социально-экономического развития. Из моего практического опыта, у себя на родине и в мире, а также из моих теоретических исследований, особенно в области сравнительной экономики, одно вытекает наверняка: хорошую стратегию и хорошую политику социально-экономического развития можно построить только и исключительно на основе хорошей экономической теории.